

4.16

91 Кр.
П127

О
ТАМБОВСКОЙ СТАРИНѢ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ЦѢНА 8 КОП

91(9)
П-12

№ 19452. 1р.

ТАМБОВСКОЙ СТАРИНЬ.

П. Падучева.

Издание Постоянной Комиссии народных чтений.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

29.10.62
78887

ПРОВЕРЕНО
1962 г.

189530
ТАМБОВСКОЙ СТАРИНЬ
1967 г.

77

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография М. Акинфьева и И. Леонтьева, Бассейная, № 14.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Юня 1902 года.

I.

Тамбовская губернія находится въ средней части Европейской Россіи. Съ сѣвера къ ней примыкають губерніи Владимірская и Нижегородская, съ востока—Пензенская и Саратовская, съ юга—Воронежская и, наконецъ, съ запада—Орловская, Тульская и Рязанская.

Тамбовская губернія лежитъ въ черноземной полосѣ Россіи. Эта часть нашего государства отличается плодородіемъ земли. Избытокъ урожая въезъ везетъ отсюда на сѣверъ и западъ Россіи и за границу. Съ давняго времени эту полосу назвали «житницей Россіи».

Тамбовская губернія считается самой большою и населенною изъ черноземныхъ губерній. Въ ней болѣе *пятидесяти восьми тысячъ* квадратныхъ верстъ земли и свыше *двухъ съ половиною миллионъ* жителей, которые занимаются однимъ земледѣліемъ. Въ губерніи нѣтъ ни высокихъ горъ, ни широкихъ и многоводныхъ рѣкъ, ни дремучихъ, густыхъ лѣсовъ.

Въ восточной половинѣ губерніи главная рѣка Цна, которая впадаетъ въ рѣку Оку, а въ западной половинѣ — рѣка Воронежъ, которая впадаетъ въ рѣку Донъ.

Тамбовскій край прорѣзываютъ пять желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ Тамбовъ съ Поволжьемъ, Москвою, Петербургомъ, Балтійскимъ моремъ, Кавказомъ и Чернымъ моремъ. Тамбовскій край, такимъ образомъ, можетъ отправлять избытокъ народнаго богатства въ разныя стороны нашего отечества.

Губернія дѣлится на двѣнадцать уѣздовъ. Самые населенные уѣзды — Тамбовскій и Козловскій. Губернскій городъ — Тамбовъ, на рѣкѣ Цнѣ, ведетъ большую торговлю хлѣбомъ, сѣномъ, косами и имѣетъ нѣсколько суконныхъ фабрикъ. Изъ уѣздныхъ городовъ замѣчательны: Липецкъ, при рѣкѣ Воронежѣ, славится цѣлебными минеральными водами; Козловъ, также при р. Воронежѣ, важенъ по торговлѣ хлѣбомъ и скотомъ; Моршанскъ, пристань при р. Цнѣ, откуда вывозятся въ большомъ количествѣ хлѣбъ, спиртъ и льняное сѣмя.

Теперь почти всѣ жители Тамбовской губерніи великороссы, и только въ южныхъ уѣздахъ встрѣчаются малорусскіе поселки. Но въ прежнія, стародавнія времена, за тысячу и болѣе лѣтъ до насъ, жителями Тамбовской губерніи и

сосѣднихъ съ нею были Мордва, Мещеряки и Вятичи. Вѣра у нихъ была не наша, а своя, языческая: они кланялись идоламъ, которыхъ дѣлали изъ деревянныхъ чурбановъ и обвѣшивали цвѣтными лоскутками. Если просили о чемънибудь идола, то зажигали передъ нимъ огонь, закалывали теленка, козу, а иногда и человѣка, по жеребью. Занимались эти народы звѣроловствомъ, рыбною ловлей, хлѣба сѣяли мало, скота разводили немного, ремеслъ не знали, торговли не вели. Короче сказать, это были полудикіе люди, которые жили въ лѣсахъ, по берегамъ рѣкъ, небольшими деревнями, а то и отдѣльными избушками и землянками. Городовъ почти не строили. Управлялись князьями, которыхъ слушались безпрекословно.

Когда у нихъ умиралъ князь или другое важное лицо, то они клали его въ гробъ, а съ нимъ его оружіе — топоры, ножи, лукъ, стрѣлы, всѣ его вещи. Потомъ насыпали надъ трупомъ кучу земли, — курганъ. Чѣмъ больше любили и уважали покойнаго, тѣмъ выше насыпали курганъ. Неизвѣстно, сколько лѣтъ обитали инородцы въ Тамбовскомъ краю, но кургановъ осталось послѣ нихъ множество. Одни изъ этихъ кургановъ сохранились хорошо и теперь, какъ будто они были сдѣланы только недавно, другіе начали уже разваливаться, третьи едва замѣтны,

и по нимъ ѣздить съ сохой и бороной, распашивая землю подь хлѣба. Тамбовскій крестьянинъ, который живетъ среди этихъ кургановъ и городковъ сотни лѣтъ, давно далъ имъ разныя названія. Такъ, есть курганы *царскіе*, *злато-верхіе* и т. п. Народъ рассказываетъ о нихъ очень много, но правды въ этихъ рассказахъ совсѣмъ мало.

— Тутъ, братъ, кладъ лежитъ во-какой!—говорятъ про какойнибудь курганъ.—Надо только брать его умѣючи...

И всѣ охотно вѣрятъ, что кладъ въ курганѣ въ самомъ дѣлѣ зарытъ, вѣрятъ потому, что пріятно этому вѣрить. Между тѣмъ, если разрыть любой курганъ, то въ немъ окажутся кости человѣка, ржавый ножъ, копье и другое оружіе. Если курганъ стоитъ тысячи полторы годовъ, то ножи, копья и наконечники стрѣлъ въ немъ каменные, изъ кремня или изъ другого твердаго камня, потому что въ тѣ давнія времена дикари еще не знали ни мѣди, ни желѣза. Изрѣдка въ курганахъ попадаются золотыя и серебряныя монеты, кольца, бусы, ожерелья, но ихъ въ курганахъ такъ мало, что кладомъ такую находку назвать нельзя.

— Такъ кому же тогда охота разрывать курганы?—спросятъ насъ.

Ученые люди разрываютъ ихъ, отвѣтимъ мы.

Для нихъ курганы тѣ же книги, въ которыхъ они читаютъ, какъ по писанному. По тѣмъ вещамъ, какія удается найти въ курганѣ, ученый сразу узнаетъ, къ бѣдному или богатому народу принадлежалъ покойникъ, къ торговому и ремесленному или къ звѣроловному, любилъ-ли наряжаться и украшаться этотъ народъ или ходилъ просто, безъ лишнихъ затѣй... Но роютъ курганы не зря, а съ толкомъ, чтобы въ цѣлости вытащить каждую вещичку, и осторожно собираютъ все, что найдутъ.

Въ 1237 году, больше 650 лѣтъ назадъ, пришли къ намъ изъ далекихъ азіатскихъ степей татары. Привелъ ихъ ханъ Батый. Шелъ онъ со своими татарами туча тучей, какъ перелетная саранча. Если проходилъ онъ жилыми мѣстами, то грабилъ и разорялъ ихъ, людей убивалъ, а кого оставлялъ въ живыхъ, на тѣхъ накладывалъ дань, оброкъ. Дорога Батыю лежала черезъ Тамбовскую губернію, потому что онъ пробирался къ Рязани, хотѣлъ покорить Рязанскаго князя, а потомъ Москву, а тамъ и другіе города. Но тутъ случилась татарамъ помѣха: задержали ихъ лѣса дремучіе, болота непроходимыя и рѣки глубокія. Захватила ихъ суровая зима, холодъ, морозы, метели. И рѣшилъ Батый остановиться въ мордовскомъ городѣ Онузѣ. Теперь отъ этого

города не найти даже знака, и никто не может указать, гдѣ онъ былъ построенъ. Говорятъ, что вѣрнѣе всего Онуза стоялъ между двумя рѣками—Лѣснымъ и Польнымъ Воронежскими, въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, гдѣ нынче село Устье.

Какъ только остановились татары въ Мордовской землѣ, такъ сейчасъ же раскинули они войлочные палатки. Палатки эти они возили на верблюдахъ и лошадяхъ, а сзади гнали стада барановъ. Всѣхъ татаръ съ Батыемъ было тысячъ пятьсотъ. Работать, землю пахать, добывать хлѣбъ трудомъ они были лѣнивы, поэтому придумали завоевать побольше народу, обложить его данью, да и жить на чужой счетъ, въ чужой странѣ. •

Въ Онузѣ Батый простоялъ всю зиму, до весны слѣдующаго года. Мордва разбѣжалась отъ татарской рати, попряталась по лѣсамъ и болотамъ. Отъ нечего дѣлать, татары принялись охотиться за Мордвой, какъ за дикими звѣрями. Когда лѣса обнажились отъ листьевъ, а болота замерзли и покрылись льдомъ, татары стали выслѣживать, не покажется ли гдѣ дымокъ отъ костра. По этимъ дымкамъ они нападали на бѣглецовъ врасплохъ, убивали ихъ или брали въ плѣнъ, заставляя служить себѣ.

Съ наступленіемъ теплаго времени татары

начали собираться походомъ на Рязань. Рязанскій князь, узнавши объ этомъ, прислалъ къ Батыю своего брата Теодора съ подарками, просилъ не ходить въ его княжество и не разорять городовъ. Батый обошелся съ Теодоромъ ласково, но потребовалъ, чтобы онъ уступилъ ему свою красавицу-жену. Теодоръ отказалъ. Тогда ханъ велѣлъ его убить, пошелъ съ татарами воевать русскіе города и обложилъ русскую землю данью.

Только черезъ двѣсти лѣтъ послѣ того русскіе собрались съ силами и освободились отъ дани, которую они уплачивали татарамъ. Съ этого времени изъ сосѣднихъ княжествъ, изъ Рязанскаго и Московскаго, начали приходять въ тамбовскіе лѣса охочіе люди, которые искали привольнаго житья на чужой дальней сторонѣ. Звали этихъ первыхъ русскихъ поселенцевъ Тамбовскаго края утеклецами, или бѣглецами, потому что утекали они, кто отъ наказанья за какойнибудь проступокъ, кто отъ своихъ господъ, отъ тяжелой барщины.

Селились первые пришлецы, гдѣ имъ понравится, и начинали вольную жизнь: ловили рыбу, разводили пчель, охотились на звѣрей и пахали понемногу землю. Болѣе всего занимались поселенцы бортничествомъ, т. е. разведеніемъ пчель въ лѣсахъ, а потому ихъ называли также

бортниками. Съ Мордвой они дружили, да и не изъ за чего было имъ ссориться — всёмъ хватало мѣста съ избыткомъ. Жили бортники въ деревянныхъ избушкахъ, сколоченныхъ на скорую руку, а то и просто въ землянкахъ. Житье было хоть и не роскошное, да вольное, а бѣглому человѣку это дороже всего. Много разъ пытались московскія власти излавливать этихъ бѣглецовъ, посылали на розыски цѣлые отряды, но бѣглецы скрывались по лѣсамъ. Страшные лѣса росли въ тѣ времена по всей губерніи. Лѣсъ былъ вѣковой, обхвата по три, по четыре. Дубовыя, сосновыя, березовыя и ольховыя рощи тянулись безъ конца. И рыскали по нимъ дикіе звѣри: медвѣди, волки, лисицы, куницы, соболи, рыси, олени, козы... А по рѣкамъ водились особые звѣри, бобры.

И рѣки тамбовскія прежде были не такія. Вода въ нихъ круглый годъ шла вровень съ берегами, не пересыхая и не уменьшаясь. Рыбы и всякой водяной птицы было въ изобиліи. Въ затишьѣ, въ самыхъ глухихъ лѣсахъ, глубокія рѣчныя мѣста не замерзали всю зиму, такъ что гуси, утки и зимовали тутъ. Среди этой благодати, которою Богъ надѣлилъ Тамбовскій край, и жили бортники. Для охоты на звѣрей и птицъ они имѣли луки со стрѣлами и пищали, старинныя большія ружья. Звѣриныя шкуры

бортники вывозили въ ближайшіе города Рязанской и Московской областей или же продавали пріѣзжимъ купцамъ, отъ которыхъ забирали порохъ, свинець, кремни, соль, разный желѣзный инструментъ.

Изъ шкуръ дороже всего цѣнились бобровыя. Величиной боберъ былъ съ хорошую собаку, шерсть носилъ темную, пушистую, съ отливомъ. Туловище кончалось толстымъ голымъ хвостомъ, похожимъ на широкую лопату. Питался боберъ рыбой, поэтому плавать и нырять умѣлъ хорошо. Бобры всегда собирались стаями и выстраивали надъ водой круглые домики, которые издали можно было принять за деревню. Для постройки шалашей бобры пускали въ ходъ острые, крѣпкіе зубы и хвосты. Сначала они заготавливали кольца, которые очищали отъ коры и сучьевъ. Два или три бобра брали колъ и сверху били хвостомъ по колу, какъ топоромъ. Набивши нѣсколько рядовъ поперекъ рѣчки, бобры переплетали ихъ хвостомъ, клали на него перекладины и строили изъ сучьевъ шалаша. Чѣмъ больше селилось народу въ краю, тѣмъ дальше стали уходить бобры, любившіе покой и тишину. Наконецъ, они совсѣмъ перевелись.

Охота на бобровъ считалась самою прибыльною, а самою опасною — на медвѣдей. Этотъ

косматый звѣрь нерѣдко приходилъ къ бортникамъ разорять ихъ хозяйство: задиралъ корову, лошадь, объѣдалъ овесъ, лакомился медомъ на пчельникахъ. Зимой вокругъ избушекъ и землянокъ бортниковъ бродили голодные волки, высматривая, нельзя ли что стащить. Но злѣйшимъ врагомъ русскихъ поселенцевъ были татарскіе набѣги. Татары являлись сюда изъ Крыма, гдѣ у нихъ было свое царство, и изъ южныхъ черноморскихъ степей. Словно ястребы, налетали татарскія шайки на тамбовскіе поселки, грабили ихъ, забирали плѣнныхъ и уводили въ неволю. А чтобы не могли полонянники убѣжать на родную сторону, татары разрѣзали имъ пятки, набивали туда мелко изрубленнаго конскаго волоса и зашивали нитками...

Пока русскіе жили тутъ отдѣльными хуторками или небольшими деревушками, имъ оставалось одно средство отъ набѣговъ—скрывать-ся въ лѣсахъ, выжидая ухода непріятелей. Такъ они и дѣлали. Но вотъ Московскіе цари стали награждать своихъ приближенныхъ людей землями въ пустынномъ Тамбовскомъ краю. Земли жаловались за разныя заслуги: за войну противъ поляковъ, за царскую службу, за успѣшное исполненіе царскихъ порученій. Никто не мѣрилъ, много ли находится земли въ этой мало

извѣстной сторонѣ, но думали, что ей и конца нѣтъ. Царь жаловалъ отъ ста до тысячи четвертей и больше. Четвертью назывались въ то время полторы десятины. Новые помѣщики старались заселить полученную землю своими крѣпостными или вольными людьми, которые должны были работать изъ половины. Недостатка въ такомъ народѣ не было, и пожалованныя земли быстро заселялись. Рубился столѣтній лѣсъ, строились деревни и села, распахивались новины подъ посѣвъ хлѣбовъ. Мало по малу русскій человѣкъ прочно и твердо основывался на тамбовскомъ черноземѣ, и не такъ страшны стали ему татарскіе набѣги.

Однажды пришла въ русскія деревни вѣсть, что крымскіе татары собираются большой шайкой хлынуть въ Тамбовскій край. Встревожились мужики и начали думать крѣпкую думу, какъ имъ избыть эту бѣду. Кликнули кличь охотникамъ - бортникамъ и сдѣлали совѣтъ. Между бортниками объявились удалцы и говорятъ:

— Чего намъ ждуть ихъ?.. Давайте-ка устроимъ засаду и нападёмъ на незваныхъ гостей врасплохъ... Коли Господь поможетъ, то зададимъ имъ такого страху, что надолго пропадетъ охота разбойничать.

— Дѣло, дѣло!—согласились остальные.—Съ

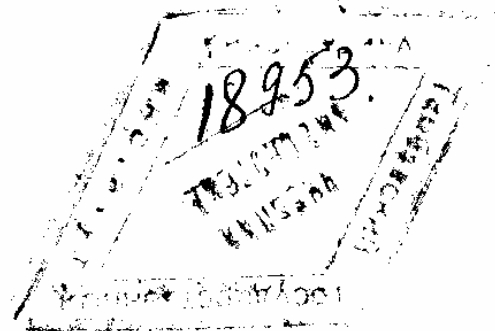
одежда и вооруженіе были ихъ собственныя. Оружіемъ служилые люди не могли похвалиться: у кого была пищаль, у кого рогатина, у кого сабля. Одни прїѣзжали на службу на коняхъ, другіе приходили пѣшими. Въ открытомъ полѣ такое войско иногда терпѣло неудачу, но за деревянной оградой и земляными валами оно дружно стояло противъ татаръ и не давало себя въ обиду.

Въ 1613 г. Москва избирала царя. Изъ всѣхъ городовъ прїѣхали выборные для этого важнаго дѣла. Были они и изъ Шацка, значить Шацкъ считался тогда уже значительнымъ городомъ. Но къ югу отъ него, гдѣ теперь Козловскій, Тамбовскій и прочіе уѣзды, все еще гянулись пустыри, болота и лѣса, въ которыхъ бродили только охотники и звѣроловы, да рѣдко-рѣдко попадались избушки оотниковъ. Черезъ эти лѣса была проложена только одна тропа для гонцовъ къ татарамъ и обратно. Русскіе цари всячески старались жить съ татарами въ мирѣ и нѣсколько разъ въ годъ посылали къ татарскимъ ханамъ письма и подарки. Царь писалъ хану: «не обижай моихъ русскихъ, не пускай своихъ татаръ въ мою землю». А ханъ возьметъ подарки да скажетъ: «Пусть царь пришлетъ мнѣ еще подарокъ, тогда не велю своимъ ходить на

Русь...» Царь подумаетъ, подумаетъ и отправитъ подарокъ — золотую и серебряную парчу на халаты, дорогія шубы, мѣха. Только со временъ Петра Великаго Крымскіе ханы сдѣлались болѣе уступчивы, а при императрицѣ Екатеринѣ Второй Крымское ханство, въ 1783 году, было присоединено къ Россіи.

~~18752~~

103856
18953

поставлено 9 государевыхъ житницъ, съ хлѣбными запасами къ осадному времени. Недалеко отъ житницъ тюрьма, огороженная тыномъ.

За городомъ былъ построенъ острогъ, крѣпость съ деревянною стѣною; внутри его церковь Знаменія и государевъ дворъ съ дворовымъ строеньемъ.

Къ сѣверу и югу отъ Тамбова находились слободы—Покровская, Пушкарская, Сторожевая казачья и Панская. Близъ Тамбова стояли еще острожки и городки: Красногорскій, Лысогорскій, Крутой и другіе. Для починки стѣнъ, башенъ и прочихъ строеній у тамбовскаго земляного вала было сложено 65 тысячъ бревенъ разнаго лѣсу.

Подъ начальствомъ воеводы находилось три тысячи служилыхъ людей, которые размѣщались по острожкамъ, городкамъ и тамбовскимъ башнямъ. Кромѣ того, постоянно разъѣзжали отъ Тамбова до рѣки Хопра сто человекъ казаковъ. Они обязаны были смотрѣть, не подходятъ ли къ русской границѣ шайки татаръ, калмыковъ и другихъ разбойниковъ, и немедленно извѣщать объ этомъ воеводу.

Граница начиналась у Кузьминой Гати, близъ Тамбова, шла на Тамбовъ, потомъ къ Козлову, а оттуда сворачивала на Усмань. По ней былъ вырытъ земляной валъ шириною внизу три

сажени и почти такой же вышины. На валу стояли маленькія деревянныя башни, въ которыхъ жили стрѣльцы и служилыя боярскія дѣти.

Для того, чтобы насыпать этотъ валъ и построить крѣпости, приказано было выслать по одному человѣку съ 10 дворовъ. Набралось народу больше пяти тысячъ, которые работали тутъ около двухъ лѣтъ. Плату на всемъ готовомъ содержаніи они получали по рублю въ годъ.

Служба въ пограничныхъ тамбовскихъ городахъ и «на чертѣ», т. е. на сторожевомъ валу, была трудная и скучная. Защитники и караульщики каждую минуту должны были быть готовы къ встрѣчѣ враговъ съ степной стороны. На ночь запирались всѣ ворота, по стѣнамъ становилась стража. Да и днемъ было тревожно; кругомъ вездѣ росъ дремучій боръ, и тянулись безконечныя болота. Отъ тоски по домашнимъ служилые часто сказывались въ «нѣтѣхъ», убѣгали. Бѣгали въ одиночку, бѣгали и цѣлыми партіями. Иной разъ по утру пойдутъ провѣрять стражу, и въ какой нибудь башнѣ не окажется ни одного человѣка—всѣ скрылись въ бѣга. О розыскѣ и поимкѣ бѣглецовъ воеводы писали во всѣ города, ихъ ловили и снова возвращали на службу, гдѣ отдавали на поруки товарищамъ, подъ ихъ присмотръ.

Кромѣ тѣхъ, кто жилъ въ городахъ, въ Тамбовскомъ краѣ было мало народу. Чтобы привлечь сюда новыхъ поселенцевъ, цари давали имъ разныя льготы: всѣмъ позволялось брать пашни и угодій,—сколько кто могъ осилить, и давалась свобода отъ всякихъ податей на 5 лѣтъ. Когда это сдѣлалось извѣстно, въ тамбовскіе лѣса и степи потянулись изъ всѣхъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ подводы, нагруженныя людьми и разнымъ хозяйственнымъ скарбомъ. Быстро начали строиться деревни, распахиваться поля. По старинному выраженію, пріѣзжіе садились «на пень и яму». Это значило вотъ что. Являлись поселенцы на пустопорожную землю и дѣлали на ней замѣтки—гдѣ срубали дерево, оставляя пень, гдѣ копали ямы, какъ было лучше и удобнѣе. Такими замѣтками и обозначалъ каждый поселенецъ границы своего участка. Всѣ наши тамбовскіе однодворцы поселились именно такъ, захвативши хорошія, привольныя мѣста. Оттого у нихъ и теперь еще много земли и всякихъ угодій.

Воеводамъ, дьякамъ и боярскимъ дѣтямъ тамбовскія земли жаловались по прежнему, по сотнѣ и болѣе четвертей, и они переводили на эти новыя помѣстья своихъ крѣпостныхъ. Прибывалъ народъ, строились храмы Божьи

и монастыри. Монастырямъ царь жертвовалъ тысячи десятинъ, а въ придачу къ нимъ покосы, рыбныя ловли и лѣса. Получивши землю, монастыри приглашали на нее крестьянъ за самую малую плату; иногда выписывали ихъ издалска, изъ другихъ монастырей, въ которыхъ жилось не такъ хорошо.

Заблестѣли золоченые церковные кресты въ тамбовскихъ лѣсахъ и поляхъ, и понесся церковный звонъ будить пустыню и глушь. Пока церквей и монастырей было мало, они управлялись рязанскими архіереями, но въ 1681 г. рязанскимъ владыкамъ было уже не подъ силу разѣзжать по двумъ большимъ областямъ—и въ тамбовскую епархію назначенъ первый епископъ Леонтій. Да и опасно было ѣздить тогда по Тамбовскому краю, потому что рядомъ съ русскими селеніями стояли мордовскія и татарскія, а мордва и татары смотрѣли на православныхъ священниковъ и архіереевъ съ враждою. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ рязанскій епископъ Мисаиль вздумалъ посѣтить Шацкій уѣздъ. Узнавши, что въ уѣздѣ много некрещеной мордвы, Мисаиль отправился въ мордовскую деревню Амбиреву уговаривать жителей креститься. Не успѣлъ еще онъ войти въ деревню, какъ мордва начала въ него стрѣлять. Мисаиль былъ

раненъ въ грудь и на другой день скончался. Сторожевая служба на валу и въ городахъ Тамбовскаго края продолжалась около 70 лѣтъ, до царя Петра Великаго. Этотъ государь скоро понялъ, что не стоитъ рыть валы на своей землѣ, а слѣдуетъ дойти до южнаго Чернаго моря, гдѣ жили турки и татары. Моремъ владѣли турки, и была у нихъ тамъ крѣпость Азовъ, въ устьѣ рѣки Дона. Чтобы завоевать эту крѣпость, царь Петръ приказалъ строить въ городѣ Воронежѣ суда, на которыхъ войско должно было спуститься къ Азову. И написалъ царь тамбовскимъ воеводамъ указъ, чтобы посылали они народъ рубить лѣса да сплавлять ихъ по рѣкамъ къ Воронежу. Затрещали наши дубы и сосны, и стали рѣдѣть лѣсныя трущобы, куда прежде не заглядывалъ солнечный свѣтъ. Петръ построилъ въ Воронежѣ флотъ, причемъ самъ работалъ вмѣстѣ съ плотниками. Крѣпость Азовъ была взята послѣ сильнаго сопротивленія, въ 1696 году, а безъ малаго сто лѣтъ спустя, при императрицѣ Екатеринѣ второй, и Крымомъ и Черноморьемъ овладѣли русскіе.

Петръ Великій первый изъ царей проживалъ въ Тамбовской губерніи, лѣжившихъ водами въ городѣ Липецкѣ, въ которомъ онъ построилъ заводы для отливки чугуна и выдѣлки желѣза и

стали. Заводы эти были выстроены изъ толстаго сосноваго лѣсу, а мастерами въ нихъ были шведы, взятые въ плѣнъ при Полтавской битвѣ. Дѣйствовали заводы водой, скопленной въ прудѣ. Плотина для задержки воды имѣла въ длину 74 саж., въ ширину 7 саж. и въ высоту болѣе 2 сажень. Петръ заботился, чтобы шведы обучали своему искусству русскихъ рабочихъ. Хитрые иностранцы сначала отговаривались отъ этого, — что, молъ, русскіе глупы, умѣютъ только землю ковырять сохой. Но скоро изъ русскихъ рабочихъ вышли настоящіе мастера, которымъ царь платилъ такое же жалованье, какъ и шведамъ.

Кромѣ Липецкихъ заводовъ былъ выстроенъ еще Козьминскій якорный заводъ, въ Лебедянскомъ уѣздѣ. Этотъ заводъ отливалъ морскіе корабельные якоря. Какъ видно, Петръ хотѣлъ, чтобы жители Тамбовскаго края занимались не однимъ земледѣліемъ, а и всякими ремеслами и промыслами. Но всѣ поселенцы, которые приходили сюда изъ другихъ областей, невольно соблазнялись тамбовскимъ черноземомъ, лугами и лѣсами. Безъ большихъ хлопотъ, безъ особеннаго труда каждое зерно, кинутое въ землю, возвращалось земледѣльцу самъ-десять, двадцать и тридцать. Тучные заливные луга и лѣсныя поляны давали сѣна

въ изобиліи. Сплошные листовные лѣса манили къ разведенію пчелы. Снятаго хлѣба нельзя было сразу обмолотить, да и некуда было ссыпать обмолоченное зерно, поэтому его ставили въ прокъ, въ кладушки. Такія кладушки были у каждаго поселенца, въ каждой деревнѣ. Кладушки стояли нетронутыми по многу лѣтъ, покрывались пылью, заросли травой и кустарникомъ. Иной богатый, «взявшій засилье», мужикъ потерялъ уже и счетъ своимъ кладушкамъ, позабывалъ, которыя были сложены раньше, которыя послѣ, — а все-таки ставилъ новыя, потому что дѣваться съ хлѣбомъ было некуда и продавать его было некому. Хлѣба было такъ много, что разнощцы въ цѣнѣ ему не дѣлали: и рожь, и овесъ, и гречиху продавали желающимъ по одной и той же цѣнѣ. Четверть ржи стоила 24 коп., т. е. 3 коп. за мѣру (на тѣ же деньги цѣнились и остальной хлѣбъ).

При такой дешевизнѣ содержаніе и разведеніе всякаго скота не стоило ровно ничего. Лошадей, коровъ, овецъ, свиней держали цѣлыя стада. Лѣтомъ они отгуливались на лугахъ и въ лѣсахъ, а зимой стояли во дворахъ на сѣнѣ и зернѣ. Скотина была такъ дешева, что нынѣ трудно и вѣрить этому. Лошадь, настоящая воевая, крестьянская продавалась

за полтора рубля, корова за семьдесятъ копѣекъ, овца за двадцать, свинья за пятнадцать, а куры по одной копѣйкѣ!..

Черезъ Тамбовскій край съ древнихъ временъ шла дорога съ юга, съ Кавказа, Дона, изъ Астрахани. По этой дорогѣ калмыки, татары, ногайцы и казаки пригоняли большіе табуны отборныхъ, породистыхъ лошадей изъ дальнихъ мѣстностей. Часть этихъ лошадей продавалась потомъ въ Москву, а часть оставалась тутъ и поступала на конскіе заводы богатыхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Особенно славились лошади Астраханскихъ калмыковъ; называли ихъ Ардобазарскими. Если гдѣ бывала конская ярмарка, то всѣ ждали, когда пригонятъ тамбовскихъ лошадей; послѣ того ужъ и начинался настоящій торгъ конями. И до сихъ поръ конской ярмаркой славится Лебедянь, уѣздный городъ Тамбовской губерніи.

Весьма прибыльнымъ дѣломъ было разведеніе пчелъ. Первые тамбовскіе посельщики такъ прямо и звались бортниками, какъ мы уже говорили. Тамбовскій медъ сотовый славился. Тамбовскіе воеводы раза два въ годъ посылали къ царю сборъ медомъ. «А медъ тотъ самый лучший, писали они, и пойдетъ тебѣ въ великую усладу». На это царь отвѣ-

пріѣзжіе угощали народъ пивомъ, брагой, пряниками и подсолнечными сѣмечками. Съ хохотомъ, весельемъ и шутками расходились все по домамъ, вспоминая проведенный день.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I земли въ Тамбовской губерніи продавались и покупались по 60 коп. за десятину. Немного дороже стоили и крѣпостные, которые переходили по купчимъ крѣпостямъ отъ однихъ помѣщиковъ къ другимъ. Вольные люди нанимались въ работу, если случалось, тоже за дешевую плату, за полтора — два рубля въ годъ, да и эти деньги получали больше хлѣбомъ, а не деньгами.

Въ 1789 г. Тамбовъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, а Шацкая провинція, въ которой онъ считался маленькимъ уѣзднымъ городкомъ, названа Тамбовской губерніей. Въ это время въ Тамбовѣ считалось уже 1678 дворовъ и больше 7000 жителей. Въ Тамбовскомъ же уѣздѣ насчитывалось 120 селъ и деревень и 60 тысячъ жителей. Стѣны вокругъ города давнымъ давно обвалились, и отъ нихъ не оставалось слѣда. Дома въ городѣ были почти сплошь деревянные, улицы немощенныя и грязныя. По улицамъ бродили коровы, овцы, свиньи — щипали траву, которая росла вездѣ.

Тамбовъ много разъ горѣлъ и послѣ пожаровъ

обстраивался каменными домами. Теперь онъ уже значительно разросся и считается однимъ изъ хорошихъ губернскихъ городовъ, жителей въ немъ болѣе сорока тысячъ.

Въ отношеніи средствъ къ просвѣщенію не отсталъ Тамбовъ отъ другихъ губернскихъ городовъ, можетъ даже похвалиться благоустройствомъ и благосостояніемъ своихъ учебно-воспитательныхъ учрежденій преимущественно предъ другими. Но то, что особенно должно радовать жителей города Тамбова, что такъ цѣнно для нихъ, чего не имѣютъ многіе и многіе губернскіе города, — какъ высказалъ преосвященный Иеронимъ, епископъ тамбовскій шацкій, въ своей рѣчи 18 июля 1893 года предъ молебствіемъ по случаю торжественнаго освященія тамбовской царской читальни, — это зданіе для народныхъ чтеній. Это незабвенный памятникъ щедратаго благотворенія городу Еммануила Дмитриевича Нарышкина, по мысли и на средства котораго построены домъ, а въ немъ открыты народная читальня, историческій музей и библіотека. Въ Тамбовской народной читальнѣ есть чѣмъ попользоваться любителю и грамотнику. Священное Писаніе въ разныхъ изданіяхъ, — по русски и по церковно-славянски; житія святыхъ и полныя, и сокращенныя; проповѣди доступныхъ проповѣдни-

ковъ, книги и брошюры духовно-нравственныя; есть книги и повѣсти свѣтскія, историческія и право-описательныя, очерки странъ, народовъ и явленій природы. При читальнѣ устроено обширное помѣщеніе для народныхъ чтеній, какого надо желать и въ столицахъ ¹⁾).

78862
18952

¹⁾ Тамбовскія губерскія Вѣдомости, 1893 г. №№ 77, 78 и 79. статья: Торжественное освященіе помѣщеній библиотеки, музея и народной читальни.

VII. РАЗНЫЯ ИЗДАНИЯ.

СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Первый: «Хвала Богу». Переложения изъ Нов. Завета, изъ псалмовъ и церковныхъ пѣснопѣній. Молитвенныя стихотворенія. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 к.

Второй: Разсказы духовно-нравственнаго содержанія. (Для прочтенія въ народныхъ аудиторіяхъ). Съ 5 картин. въ текстѣ. Ц. 15 к.

Третій: «Слава родной земли». Событія изъ русской исторіи. Гимны и пѣсни славы. Ц. 12 к.

Четвертый: Пѣсни и бытовыя стихотворенія. Ц. 10 к.

Пятый: Сказки и были. Ц. 15 к.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ НАРОДА.

Отдѣлъ первый: Календарь Православной Церкви. *Отдѣлъ второй:* Исторія всемірная и русская. *Отдѣлъ третій:* Географія всеобщая и русская. *Отдѣлъ четвертый:* Міръ Божій.

Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 70 к.

Въ отдѣльныхъ оттискахъ имѣется только I отдѣлъ «Календарь Православной церкви». Ц. 60 к., въ папкѣ 70 к.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ВЪ РОМАНАХЪ И ПОВѢСТЯХЪ.

Послѣдовательная хрестоматія.

Книга первая—Отъ Смуглаго времени до Петра Великаго. Ц. 40 к. (въ папкѣ 50 к.).

Книга вторая—Время Петра Великаго. Ц. 35 к.

Книжки эти продаются въ складѣ Постоянной Комисіи народныхъ чтеній, въ С.-Петербургѣ—Стремянная ул., д. № 13, въ книжныхъ магазинахъ:

Въ Спбурѣ—Спб. Мастерской учебныхъ пособій и игръ, Русскомъ книжномъ магазинѣ Морева, Карбасникова, Луковникова, Стасюлевича, Гузова и Н. Мартынова, въ складѣ типографіи «Евгеній Тиле Пресманки», Москвѣ—Думнова, «Сотрудникъ школы» Тихомирова, Карбасникова, Сытина и К^о и Панафидина, Варшавѣ—Карбасникова, Вильнѣ—Карбасникова и Сыркина, Екатеринбургѣ—Блохиной, Кіевѣ—Н. А. Розова, Казани—Дубровинна (Гостинный дворъ) и Башлакова, Новочеркасскѣ—Поповой, Омскѣ—Александрова, Пензѣ—Алексѣева, Перми—Петровской, Томскѣ—Макушина.

Книжные магазины и склады при выпискѣ изданій изъ Комисіи на наличныя деньги пользуются уступкою 30%, за исключеніемъ «Сборниковъ стихотвореній», «Настольной книги для народа», и «Русской исторіи въ романахъ и повѣстяхъ», съ которыхъ скидки 20%. Расходъ по пересылкѣ изданій покупателямъ, не пользующимся скидкой, принимается на счетъ Комисіи.

На комиссію изданія не отпускаются.

Изданія, отпускаемые изъ склада Комисіи въ большомъ количествѣ, высылаются преимущественно чрезъ Контору Компаніи «Надежда».